

Жизнь переселенцев: жилищный вопрос и производство на Карельском перешейке, 1944–1950-е годы

Life of immigrants: housing and industry on the Karelian isthmus, 1944-1950-ies

Покидько П.С.

Аспирант, ассоциированный сотрудник факультета истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург

e-mail: pavel.pokidko.85@mail.ru

Pokid'ko P.S.

Postgraduate student of European University at Saint-Petersburg, St. Petersburg

e-mail: pavel.pokidko.85@mail.ru

Летюхин И.Д.

Канд. экон. наук, доцент департамента финансов Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (НИУ ВШЭ), г. Санкт-Петербург

e-mail: iletukhin@yandex.ru

Letyukhin I.D.

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of Finance of the St.

Petersburg school of Economics and management of the National research University-Higher school of Economics (HSE), St. Petersburg

e-mail: iletukhin@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского Фонда фундаментальных исследований (проект № 18-39-00030)

Аннотация

В статье рассмотрено состояние жилищного фонда на восстановление и развитие предприятий на присоединенной к СССР финской территории после Великой Отечественной войны. Описывается влияние состояния жилищного фонда и уровня обеспеченности жильем на укомплектованность предприятий рабочей силой. Рассмотрены меры по восстановлению жилищного фонда и постройке новых жилых домов, а также по улучшению бытовых условий рабочих, реализованные предприятиями.

Ключевые слова: история СССР, история промышленности, история лесной промышленности, Карельский перешеек, социальная история.

Abstract

The article deals with the state of the housing stock for the restoration and development of enterprises in the Soviet-annexed Finnish territory after the great Patriotic war. The impact of the condition of housing stock and levels of housing in the provision of business and employment are described. The measures on restoration of housing, construction of new houses, and on improvement of living conditions of workers realized by the enterprises are considered.

Keywords: history of the USSR, history of industry, history of forest industry, Karelian isthmus, social history.

«Хорошее настроение человека создается постоянной заботой о нем» [12]

«Для живущих в чрезвычайное время нормальное существование становится роскошью» [48]

Жилищный вопрос был одним из самых острых для советской власти на протяжении всего периода истории СССР. Начавшаяся после революции индустриализация потребовала привлечения большого количества рабочих для строительства предприятий. Их селили в малопригодных для жизни условиях, а решение жилищного вопроса откладывалось на будущее [15]. После войны приоритет при восстановлении хозяйства был отдан промышленности, в то время как жилищное строительство финансировалось по остаточному принципу. Взамен разрушенного во время войны жилья новое предполагалось строить по мере восстановления предприятий. В результате этого рабочих, приехавших для восстановления производства из других регионов, приходилось размещать в землянках, бараках, коммунальных квартирах и других помещениях, оказывавшихся неудобными для проживания. В условиях отсутствия личного пространства возможность уединиться считалась наивысшей ценностью. Индивидуальное жилье было мечтой рабочих, приехавших в крупные города, ради него они были согласны менять место работы и жительства.

Одной из возможностей решить жилищный вопрос после войны был переезд на работу на присоединенный к СССР Карельский перешеек. Это была индустриально развитая территория, на которой находилось несколько крупных предприятий, в основном лесной промышленности. Перешеек, вместе с территорией Приладожской Карелии и Петсамо, дважды переходил в состав СССР в результате военных действий с Финляндией. Несмотря на разрушения военного времени в населенных пунктах на этой территории сохранилось большое количество жилых домов, пригодных для заселения. История Карельского перешейка – интересный пример синтеза двух составляющих. С одной стороны, в решении жилищного вопроса нашли применение советские практики организации переселения и обустройства переселенцев. С другой стороны, на территории существовали ресурсы, оставшиеся от бывших жителей этой территории – финнов, не только предприятия, но и дома, часто с брошенными вещами и запасами [19].

В данной статье мы рассмотрим вопрос о взаимосвязи жилищного вопроса и производства на примере первых переселенцев на Карельский перешеек. Как решался жилищный вопрос на новых территориях? Как на работу промышленного производства влияли размещение рабочих, бытовые условия и обеспечение необходимыми ресурсами (мебель, еда, жилье)? Какова была роль в этих процессах «трофейных ресурсов»? Какие изменения происходили в качестве строительства общественного и индивидуального жилья в поселке? Мы также затронем вопрос о повседневных практиках промышленных рабочих.

Хотя в историографии проблеме жилищного строительства посвящено большое число работ, в основном они касаются 1920 – 1930-х годов. История послевоенного жилищного вопроса, в частности, в промышленных районах, а также о переселенцах уникальной территории в составе СССР – Карельского перешейка – требует более пристального внимания исследователей. В то же время работы о более раннем советском периоде позволяют проследить взаимосвязи и схожие тенденции. В целом, исследователи подчеркивают, что жилая площадь была для власти средством управления. Так, историк Шейла Фицпатрик показывает, что жилье использовалось как ресурс для поощрений, манипуляций общественным мнением [48]. Марк Меерович также подробно исследует механизмы использования жилого пространства для манипулирования, поощрения и наказания [18]. Рассматривая восприятие пространства на основе мемуаров и воспоминаний советского человека, Наталья Лебина показывает, что понятие «дом»

выступало как стимул, награда за успехи на производстве [17]. В монографии Александра Ваксера рассматривается проблема послевоенного восстановления промышленности в Ленинграде [2]. Недостаток жилья не позволял наращивать производство на ряде заводов, многих рабочих селили в помещения, не предназначенные для жилья, они жили по несколько семей в одной комнате. Ваксер показывает, что успех промышленного строительства напрямую зависел от бытовых условий рабочих. В статье Екатерины Мельниковой анализируются интервью и документы, освещающие вопрос переселения на перешеек. Автор рассматривает, как происходило обустройство переселенцев на новом месте и показывает, что территория была уникальной в общесоветском контексте [19]. Истории размещения переселенцев на Карельский перешеек посвящена монография Лилии Герашенко, в которой подчеркивается несогласованность разных инстанций в процессах строительства жилья [5]. В то же время в историографии жилищный вопрос на Карельском перешейке, а также место жилищного вопроса в жизни промышленных рабочих в целом все еще остается плохо изученной проблемой. В данной статье мы постараемся заполнить этот пробел на основе новых архивных и опубликованных источников. Это позволит проследить особенности жилищного вопроса в послевоенном СССР, а также выявить специфику советского промышленного развития.

В первой части статьи мы рассмотрим особенности программы переселения на перешеек после войны и размещение рабочих. Во втором разделе мы исследуем условия и практики проживания. Третья часть статьи посвящена влиянию жилищных условий на работу производства и обустройство инфраструктуры рабочего поселка.

Размещение переселенцев на перешейке после войны 1941–1944 гг.

После Второй мировой войны жилищный вопрос в СССР стал фактором, тормозящим восстановление производства. Наглядным примером такой ситуации был Кировский завод в Ленинграде. Как пишет Александр Ваксер, «общежитие Кировского завода разместили в развалинах больницы Фореля, в мало приспособленном здании на проспекте Стачек, в подтрибунных помещениях стадиона на территории завода. В комнатах, разделенных на ячейки листами бумаги, размещалось от четырех до 17 семей с детьми. Одиноким людям жили по несколько десятков в бараках. В них не было туалетов, водопровода, стояли ряды керосинок» [2]. Такое размещение сказывалось на развитии предприятий. Директор завода просил помощи в решении проблемы у городских властей, поскольку обеспечить резкое увеличение объемов производства было невозможным из-за невыносимых условий проживания рабочих [2]. Наличие жилья становилось одним из главных способов привлечения рабочих, особенно в удаленные районы СССР. К примеру, педагогам Вагановского училища во время Второй мировой войны, согласившимся переехать на постоянное место жительства в Пермь, предоставлялось индивидуальное жилье и высокий заработок [13]. В результате на сегодняшний день пермская школа балета считается третьей по уровню после Москвы и Петербурга.

После войны Карельский перешеек остался без населения – практически все жители были эвакуированы вглубь Финляндии. В то же время для советского руководства восстановление предприятий перешейка было важнейшей задачей. Специальная программа переселения предусматривала заселение этой территории выходцами из советских республик – Западной Украины, Казахстана и других частей СССР. В ходе реализации программы большую проблему представляло оформление документов, вызванное несогласованностью инстанций. Нередки были случаи, когда переселенцев не пускали на перешеек из-за недооформленных документов. Это задерживало восстановление предприятий, и в результате в 1945 г. программа переселения не была выполнена.

Особенностью Карельского перешейка было то, что при переезде первым рабочим с семьями предоставлялись индивидуальные квартиры. Как правило, они могли выбрать любой населенный пункт, где требовались специалисты. Одним из этих вариантов был

поселок вблизи целлюлозно-бумажного завода Йоханнес. О значимости поселка в советское время можно судить по тому, как его называли в газете «Выборгский большевик» – ведущем печатном органе региона. Йоханнес считался «городом бумажников», несмотря на то, что населенный пункт имел статус поселка. На заводе сохранились производственные корпуса, в поселке существовала инфраструктура, сохранились жилые дома и бани, для восстановления которых использовались ресурсы с хуторов (дачные дома на островах, линии электропередач и т.п.). В сравнении с другими предприятиями здесь было мало разрушений, поскольку эта местность находилась в стороне от линии фронта, в то время как на местах боевых действий при отступлении финские военные сжигали все. К примеру, в Кексгольме (Приозерске), кроме четырех кирпичных домов и нескольких церквей вокруг площади города, все остальное лежало в руинах [1]. В Энсо (Светогорске) все дома в поселке требовали ремонта, линии электропередач были оборваны, в домах не работало водоснабжение. Как указывалось в годовом отчете о работе комбината Энсо и близлежащего поселка за 1946 г., «пустые консервные банки заменяли столовую посуду» [21]. В других местах ситуация отличалась. Так, в 1959 г. в поселках Ляскеля и Харлу из сохранившихся 800 домов более 50% представляли собой старые финские дома, которые требовали капитального ремонта, 10% подлежали списанию. В 1959 г. в Ляскеля жилая площадь на человека составляла 4,99 кв. метра, что было в полтора раза меньше установленных норм по стране [8].

Шейла Фицпатрик, сравнивая скорость решения проблемы жилищного вопроса в городе и рабочих поселках при заводах, отмечает, что решение жилищных проблем в заводских поселках (Магнитогорск и др.) происходило быстрее, так как они были на контроле у администрации и шли отдельной строчкой в финансовом плане завода [48]. В случае с Йоханнесом процесс ускорялся в результате сохранившихся жилищных ресурсов и наличия материалов. Их ценность для восстановления предприятия подчеркивал директор завода Веригин, как руководитель, заинтересованный в успешной работе производства. В отчете о восстановлении предприятия в 1946 г. он писал об этом: «Успех в запуске и работе комбината будет зависеть от обеспечения жильем рабочих и членов их семей». Сразу после войны завод располагал 37% необходимой жилплощади. От финнов в поселке сохранилось 30 домов. Кроме того, сохранилась красивая церковь с дорогим органом, а также 54 частные бани [22]. Приезжавшие переселенцы выбирали понравившиеся им помещения, как правило, самые маленькие, которые было легче отапливать и восстановить. Для ремонта использовались материалы из соседних квартир. Некоторые рабочие разместились в банях, приспособленных под жилье [22]. При расселении, однако, никто не учитывал, что в банях очень некомфортно жить: они не приспособлены к тому, чтобы постоянно держать тепло, у них не утеплен пол. В результате было необходимо постоянно топить помещение, из-за чего трескалась печка. Ремонт домов требовал выделения дефицитных материалов, необходимых также для восстановления производства: рубероида, стекла, досок, и т.п. В результате приходилось экономить на качестве ремонта. Развитию жилищного строительства также мешал недостаток транспорта у предприятия и отсутствие квалифицированных водителей (в 1946 г. их было всего двое, один не имел прав). В результате имевшиеся в Выборге стройматериалы, нужные в поселке, не на чем было доставить. К примеру, в апреле 1947 г. в Выборге нашли 250 000 кирпичей, однако их доставка существенно затянулась из-за отсутствия транспорта [43].

После войны в г. Выборг сохранилась большая часть кирпичных домов, а также застройка в двух прилегающих к городу поселках. В Йоханнесе¹ представители комиссии НКВД, обследовавшие поселок после вхождения в него советских войск в 1944 г., отмечали сохранность большей части жилого фонда: «сохранилось 30 домов, 2 каменных коттеджа, 58 индивидуальных бань» [22]. Приехавшие на перешеек в 1946 г. журналисты газеты «Ленинградская правда» были удивлены увиденной картиной, свидетельствовавшей об изобилии разных товаров. В магазине Выборга покупатель

спрашивал у продавца: «Товарищ, у вас ведро есть? – Нет. Может, колечко обручальное возьмете, местный сувенир? Покупатель спросил: А хотя бы тазик? – Нет. Скалку на память не желаете? Товарищ грустный пошел в сторону. Через полчаса он был веселый: все, что надо, он купил на базаре» [4].

В послевоенном СССР у большинства жителей не было возможности приобрести необходимые товары, и им приходилось жить в условиях дефицита. В отличие от них на оставленном в спешке финнами Карельском перешейке новые жители могли найти многие ресурсы – стройматериалы, предметы быта, жилье, технику и т.п., которые были им необходимы. Также как и в Выборге, в поселке Йоханнес, например, заборы использовались не только в качестве дров, но и были материалом для производства дефицитных столов и стульев. В газетной заметке 1946 г. особо отмечался факт, что в городе не осталось заборов, т.к. «только что организованная бригада плотников перепилила их для производства стульев и столов» [4].

Переселенцы занимали понравившееся жилье, брали мебель, предметы быта, которые находили в соседних домах и квартирах. Имеющиеся ресурсы позволяли отремонтировать непригодные для жизни дома. Так, плотнику Виктору Абрамову предоставили для заселения кухню в полусгоревшем доме с условием, что он ее отремонтирует. В дальнейшем по мере съезда других жильцов из дома в 1946–1950-х годах его семья отремонтировала опустевшие квартиры [30]. Наличие ресурсов и возможности их использования, таким образом, были главным отличием в освоении Карельского перешейка после войны 1945 г.

В 1949 г. в газете «Выборгский большевик» появилась реклама, направленная на то, чтобы привлечь рабочих из других районов, т.к. для восстановления производства не хватало рабочих рук: «семейным дома или отдельные благоустроенные квартиры, одиноким – общежитие. Рабочим, желающим завести огород, предоставляются участки, семена и оказывается фабрикой помощь в посадке огорода» [49]. Публикация объявлений была нацелена на привлечение новых рабочих, хотя обещания часто не выполнялись: «говорили, привезите семью, получите квартиру и единовременное пособие. Мы приезжаем и не получаем ничего» [44]. «Если средняя месячная зарплата рабочих должна быть 650 рублей, то по факту рабочий получает лишь 230». Руководство предприятия объясняло это низкой квалификацией прибывавших рабочих и большими затратами на их переезд. Часто заводское руководство указывало, что жилье было невозможно предоставить «в результате нехватки квоты на низкоквалифицированных рабочих» [41]. Это показывает, что в условиях дефицита жилья специальность становилась главным показателем для его получения, однако найти специалистов-переселенцев в послевоенных условиях было крайне сложно. Так, на заводе Йоханнес до 1951 г. не могли найти специалистов для занятия должностей начальника ТЭС, целлюлозного завода и механической мастерской. Из-за нехватки высококвалифицированных рабочих специалисты нередко вынуждены были проводить сутки на заводе [39].

Рабочие на производстве могли повысить свое благосостояние, пройдя курсы переподготовки и получив специальность. Так, рабочий Иван Ларионов, выучившись на мастера, руководил бригадой, которая выполняла план, за что получил индивидуальное жилье. Однако после он стал пить, и его вопрос разбирался на техническом заседании предприятия: «Иван день и ночь сидит в чайной и пьянствует. Не работает над ликвидацией аварий. Дерзит руководству. Общественность потянула его, разобрала на собрании, он держался. Потом не досмотрели, опять пить стал. Теперь придется прощаться» [40]. В то же время руководство было вынуждено терпеть плохое поведение рабочих, включая распространенное пьянство, так как из-за нехватки рабочих рук им было сложно найти замену. Обучение рабочей специальности на производстве требовало около полугода, при этом не было никакой гарантии, что после назначения на должность рабочий будет также с рвением исполнять свои трудовые обязанности. В протоколах технических совещаний по заводу Йоханнес за 1947 г. директор Веригин писал в этом

отношении: «Рубить можно дрова, и это правильно, но рубить направо налево людей наповал нельзя, так как дорубишься до плохого. Необходимо подыскать человеку замену, а потом увольнять» [40]. В связи с дефицитом кадров поиски могли продолжаться долгое время, и инженеры, любившие выпить, этим пользовались.

За период 1945–1946 гг. в поселке Йоханнес было размещено 138 рабочих и их семей [10]. Их поселили в 25 индивидуальных домах и одном общежитии у лесной биржи. Заместитель директора Г. Лебтертану обеспечил необходимые материалы: гвозди, доски, рамы, двери и т.п. [33]. Однако рядом с домами отсутствовало уличное и домовое освещение, все пользовались керосиновыми коптилками, что считалось роскошью, хотя в условиях дефицита найти керосин было сложно [3].

Текущий ремонт помещений и монтаж оборудования выполнялся штатными рабочими с задержкой сроков. Задержка была связана с несогласованностью работы между разными ведомствами. Это привело к тому, что всех рабочих завода зачислили временно в ГУЛАГ, где они получали зарплату. Работа обычных рабочих отличалась ненормированностью: в среднем в месяц платили 151,9 руб. в месяц за 210 часов [6]. Оплата работы в ГУЛАГе не отличалась по зарплате, отличие заключалось в отсутствии нормирования часов. После запуска цеха рабочие возвращались в штат завода. При этом их могли забрать в любой момент на работы в подсобном хозяйстве. К примеру, в 1954 г. руководство предприятия приказало «в связи с появлением вредителей в подсобном хозяйстве уничтожить гусениц..., для этого снять 15 человек с производства и отправить в подсобное хозяйство. Сильно поврежденные вредителем кочаны капусты отправлять в столовую» [32].

Собственно, за счет подсобного хозяйства обеспечивалось питание рабочих. Фактически после войны произошел возврат к натуральному хозяйству, когда рабочие должны были обеспечивать во многом себя сами. При этом этот опыт не всегда оказывался удачным. Так, при предприятиях существовали рыболовецкие артели. Например, в Йоханнесе в 1946 г. «в зиму поймали 46 килограмм рыбы, закидывали сети под лед. Бригада из десяти человек, промучившись целый день, выловила шесть ершей. Не идет к нам хорошая рыба. Озера в Выборгском районе никто не изучает. Ловят на авось. Нет инициативы строить суда» [50]. Проблему снабжения рыбой в первые годы позволяли решать поставки по репарациям из финского города Котка, где ее ловили профессионалы. Однако из-за привлечения и так немногочисленных рабочих к выполнению разных вспомогательных задач их не хватало на заводе. Так, в отчетах по предприятиям отмечалось, что такое количество людей позволяет восстановить производство, но запустить его не может [11].

Для решения проблемы нехватки рабочих рук стали привлекать солдат и бывших военнопленных [7]. Им предлагались жилье, которое выделялось без ожидания и очередей, хорошие условия проживания и работа. Например, в Йоханнес в июне 1945 г. к работам было привлечено 200 военнопленных, что позволяло решать проблему нехватки трудовых кадров на комбинате. В Энсо в январе 1945 г. был расформирован находившийся там лагерь репатриированных военнопленных из 500 человек, большая часть которых была закреплена за комбинатом как «постоянные рабочие кадры» [16, 21]. Военнопленные использовались в первую очередь для выполнения тяжелой физической работы, такой как разгрузка леса, тяжелые работы в цехах; на восстановительных работах сложного оборудования их роль была второстепенна.

Военнопленные расселялись в условиях, при которых их можно было контролировать: рядом со многими заводами появились бараки под охраной военных, что также объяснялось близостью территории к границе с Финляндией. В случае везения репатрианты могли рассчитывать на лучшие условия размещения. К примеру, слесарь железной дороги Николай Козин, возвращаясь из немецкого концлагеря через Выборг, получил предложение остаться на работу в железнодорожном депо [14]. Выделенный дом ему не понравился, поэтому, разобрав старую постройку и используя материалы, разбросанные по округе, он построил себе новый. Работа в депо позволила ему достать

насосы для механизации подачи воды и провести канализацию. Вокруг дома он разбил сад и посадил огород. Подобные истории были возможны потому, что, как указывалось выше, территория была покинута финнами в спешке, и в городах и поселках сохранилось много брошенных домов и построек.

Первоначально для военнопленных планировалось «создать условия для наиболее благоприятного приема лагерной рабочей силы, обеспечить жильем, инструментами, материалами, работой» [10]. Поскольку для размещения военнопленных не было жилого фонда, было принято решение реконструировать для них бараки, где размещались красноармейцы после взятия населенных пунктов. В Йоханнес бараки представляли собой 95 зданий временного типа, где могли разместиться группы по 20 чел. При этом условия быта были максимально простыми: уборных при домах не было, при каждой группе барачников имелась столовая под навесом на улице. Часть барачников использовались в качестве строительного материала для восстановления других барачников. Восстановление барачников показывает один из принципов советского строительства – использовать по возможности местные ресурсы, не привлекая средств извне. Такой подход позволял разместить новых рабочих в кратчайшие сроки, но при этом условия были едва ли пригодными для проживания. Как указывалось на техническом совещании предприятия, «бараки с одинарной обшивкой без потолков с дощатой кровлей, внутренних перегородок за редким исключением нет, стены обшиты целлюлозой, в некоторых картоном, печи – железные временки. Стены и крыша просвечивают, нуждаются в ремонте». Такие условия жизни создавали с самого начала разное положение рабочих и находили отражение на работе всего производства. Не случайно директор предприятия Йоханнес Веригин говорил про них: «У нас много рабочих военнопленных. Ну, вы знаете, какие это рабочие. Русский рабочий, даже девушка заменит двух военнопленных» [40]. Их труд использовали при разгрузке леса и других тяжелых работах, однако в 1949 г. лагерь ликвидировали в связи с низкой эффективностью работ.

В дальнейшем 95 барачников в Йоханнес продолжали использовать для вновь прибывавших рабочих, что вызвало их недовольство бытовыми условиями [23]. Рядом с ними жили люди в индивидуальных домах. В 1946 г. в поселке насчитывалось 90 таких домов, часть из которых осталась от финнов, в то время как остальные были привезены с близлежащих территорий [25]. Видя разницу в условиях проживания, некоторые рабочие из барачников самовольно покидали комбинат, что усиливало и без того серьезную текучку кадров. К примеру, «в 1947 году проверка инспектором по контролю рабочей силы М.А. Пугачевой была произведена после того, как комбинат самовольно покинули 40 молодых работников, окончивших ФЗО. Проверка показала, что комбинат к приему молодых рабочих не подготовился. Рабочие не были снабжены инструментами, их отправляли на работу в лес без выдачи нарядов. Для жилья им предоставили деревянные бараки, холодные, без туалетов» [5].

Неудачный опыт размещения в бараках привел к необходимости расширять строительство общежитий в 1949 г. Для увеличения жилищного фонда производился разбор домов на островах Выборгского залива и доставка их в поселок. Таким образом, в поселке Йоханнес было разобрано около 40 домов. Доставка их в поселок и сборка на месте шла медленно. Часть домов была использована для строительства трех общежитий площадью 700 квадратных метров [47]. В условиях ограниченности ресурсов послевоенной экономики мало предприятий могли похвастаться такими достижениями. Однако недостаток материалов и финансирования приводили к тому, что всех сразу разместить было невозможно. Директор комбината Веригин связывал невозможность решения этой проблемы с работой производства: «...недостаток жилой площади создает исключительные трудности в восстановлении комбината. Так, в 1947 году должны построить 5 000 метров, а построили 3167» [42]. Недостаток жилья не позволял привлечь специалистов в нужном объеме и вести наращивать работу производства согласно плану.

Повседневные практики в общежитии

Администрация предприятия в Йоханнес не уделяла достаточного внимания условиям проживания рабочих в общежитии, несмотря на установку директора предприятия на то, что «рабочие будут держаться, если есть хорошие бытовые условия» [9]. В 1947 г. в общежитии проживала почти половина из всех рабочих. Главным образом, это были украинцы, приехавшие по программе переселения. Условия проживания рабочих в общежитии были немногим лучше условий размещения военнопленных. Если индивидуальные дома принимались их будущими жильцами, и была возможность устранить недоделки, то в общежитии заказчиком работ выступал завод. Приемщики от него не были столь требовательны. В результате общежития были холодными. Проживающие жаловались: «Если ткнуть в стену, то она провалится, помещения грязные, освещаются коптилками, горячей воды нет. Рабочие спали на досках, на рваных грязных тряпках и рваных мешках. Бумажные матрасы имели ширину 35 см, поэтому их сшивали друг с другом. Простынь и одеял нет» [9]. Данные практики были схожи с ситуацией проживания рабочих на крупных заводах по всей стране в 1930–1940-е годы. Это были однотипные бараки, в которых не хватало места на всех, в некоторых спали даже по очереди, в них отсутствовал водопровод (в Йоханнесе он был), снабжение бельем и предметами первой необходимости [20]. Неслучайно по всей стране рабочие сбегали с завода после жизни в таких условиях.

Одним из видов протеста против плохого жилья был отказ подчиненных выполнять распоряжения начальства. Рабочие относились к своей работе в зависимости от условий проживания. К примеру, военнопленные не соблюдали технику пожарной безопасности: в древесном цеху они разводили огонь, в этом же цеху курили, не учитывая возможности пожара [31]. Такое поведение было возможно из-за того, что эта категория рабочих ничего не могла лишиться. В отличие от них работники варочного цеха, жившие в индивидуальных домах, стремились выполнять план на 120–150% от норм выработки [29]. Согласно смете получения жилья рабочие после внесения их имен и заслуг в книгу почета получали индивидуальные дома. Жилье выступало наградой за выполнение особо важных работ на заводе, обязывало выполнять работу качественно. Если рабочие были на плохом счету у начальства, то на получение квартиры или дома им рассчитывать не приходилось. В результате они работали спустя рукава. К примеру, грузчики грузили балласт, различный по диаметру, не занимаясь сортировкой, чем замедляли работу древесного цеха. Рабочие не думали о производстве дальше своего участка, хотя руководство делало выговоры, выпускало инструкции, но они мало помогали в решении проблем, так как не было материального стимула. Директор предприятия в Йоханнесе жаловался, что рабочие подходили к решению производственных проблем по принципу: «Когда буря минует, я включусь в ряды и буду кричать «ура, я тоже пахал» [45].

Проблемы усугублялись отсутствием сменной одежды не только на производстве, но и для повседневной жизни. Во избежание вшивости ее прожаривали на плите. Одежда была рваная, на ногах рабочие носили старые солдатские ботинки, валенок не было. В 1945–1949 гг. рабочие не могли позволить купить себе хорошую одежду, так как мало зарабатывали. Обед в столовой стоил 5 руб., в то время как заработок за смену составлял 3 руб. Работа на производстве оплачивалась по сдельной системе за каждый день за выполненные задания. Оформленные на постоянную работу рабочие получали талоны на питание, водку, табак и другие продукты. При низких доходах практически все средства тратились на еду и бытовые нужды первой необходимости. В случае опоздания на работу на них могли завести дело в суде. При этом они не обладали правами собственников, и потому главным условием для сохранения у них индивидуального жилья была хорошая работа.

Обслуживание общежитий также было существенной проблемой для проживающих. На эти работы отправляли людей, которые хуже всех работали на производстве. К примеру, директор завода писал в докладах: «Недавно в подсобном хозяйстве была снята

доярка Иванова за несоблюдение санитарных правил (не мыла руки). Сейчас она работает посудомойкой. Заведующий столовой товарищ Аношкин рассуждает так: «В коровнике она не подошла, а в столовой сойдет». На деле посуда грязная. На днях мы обнаружили черпак, ручкой этого черпака сначала поковыряли дрова в топке, а потом лезут в котел за едой. Ввиду этого черпак такой, что не дай бог увидят столующиеся его, случился бы заворот кишок. Эти факты свидетельствуют о невнимании к бытовым нуждам рабочих. Очень полезно будет, чтобы начальники цехов заходили в столовую и жилище рабочих» [10]. Пожелания директора были мало осуществимы на практике: так как многие руководители цехов работали до 20 часов в сутки, у них не было физической возможности заниматься подобными бытовыми проблемами. В результате в строительстве общежитий и их обслуживании царил полный произвол. Другой пример – обслуживание бани. Поскольку бумага являлась дефицитным предметом, и ее не хватало для печати квитанций, вся плата за услуги собиралась заведующей баней и сдавалась под честное слово [26]. Сколько человек пользовалось услугами бани, определить сложно, однако многие рабочие часто ходили в нее неохотно из-за отсутствия сменного белья. Это приводило к абсурдным случаям: «до недавнего времени многие считали, что рабочий из турбинного зала тов. Завроцкий – чернокожий из Африки, а на самом деле он украинец из Винницкой области. Пришлось бригаде Завроцкого повести последнего в баню силой. Мытье металлической шваброй снова превратило его белокожего человека» [26].

Ни один рабочий не хотел работать прилежно, если он не жил в хороших условиях. На совещаниях был поднят вопрос о том, что для благоустройства общежития нужны деньги и ресурсы. «В общежитии в комнате на девять человек один стол, две табуретки, умывальника нет, одеяла грязные, под койками разный хлам» [28]. Видя бесполезность призывов к самоорганизации, руководство взяло проблему под свой контроль, ее стали обсуждать на производственных совещаниях. Это способствовало выделению денег заводом на закупку постельного белья и установку в общежитии радио. В каждой комнате появились шахматы и шашки. В течение 1949–1953 гг. был произведен капитальный ремонт, заменена проводка и проведена горячая вода. Таким образом, поскольку вопрос находился на постоянном контроле у начальства, проблема была решена.

Реконструкция жилья и развитие жилищной инфраструктуры

В 1945 г. все восстановительные работы во многих населенных пунктах перешейка, включая Приозерск, Каменногорск, Светогорск и Йоханнес, проводило управление ГУЛАГа по Гипробуму (Государственный институт по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности). Это позволяло ему перебрасывать оборудование, строительные материалы, трудовые ресурсы с одного предприятия на другое [24]. Руководствам предприятий в бывших финских поселениях строения передавались по факту. Они не могли высказать претензии к выполненным работам. В дальнейшем в 1946–1949 гг. для этого привлекались артели. По возможности предприятия снабжали их имеющимися на производстве ресурсами, для ремонтов выдавались трофейные гвозди и шурупы, оставшиеся от финнов [24].

Способом сэкономить на строительстве была надстройка на старые финские дома второго этажа. Такой метод практиковался по всему Карельскому перешейку. Например, в Выборге так надстраивались капитальные здания, а перестройка усадьбы Ронка (Отрадное) превратила ее в детский лагерь «Зеленый остров». Надстройка домов в Йоханнесе позволила делать дома многоквартирными и селить туда по несколько семей. В результате усадьбы теряли изящество, зато становились вместительными. В дальнейшем такие дома были взяты за образец и строились как типовые.

При этом перестройки часто делались некачественно, в сметах были не прописаны некоторые расходы, такие как утепление полов, конопаченье стен, промазка стекол. Часто это не производилось из-за отсутствия материала, и в таком случае использовали

заменитель, который было легко найти. Возможность купить материал на стороне использовали редко из-за недостатка денег.

Многие проблемы были вызваны тем, что строители были рабочими с Украины и других южных регионов страны. Они не имели представления о том, как надо строить в погодных условиях севера. В результате крышу настилали не двухскатной, а плоской, закатывали одним слоем рубероида вместо двух, стены не утепляли, стекла не промазывали, поэтому новым жильцам приходилось решать проблему как справиться со сквозняками самостоятельно. В результате сразу после заселения жильцы начинали писать жалобы директору предприятия. Наиболее типичными были жалобы на то, что полы проваливаются, в окна дует, крыша течет и т.п. По мере наличия материала и мастеров комбинат решал эти вопросы. Основное внимание было обращено на утепление домов и бараков для эксплуатации в зимний период и штукатурке домов [34].

Строительство новых домов осуществлялось в результате покупки типовых домов в Финляндии. Из-за дороговизны домов в дальнейшем строительством жилья в некоторых поселках стали заниматься сами предприятия. Например, в Йоханнес этим вопросом стал заниматься отдел капитального строительства комбината. Строительство осуществлялось поточным методом и вместо индивидуальных стали делать многоквартирные дома. Местные газеты в 1946 г. рапортовали, что строительство жилья идет с опережением плана: так, «Выборгский большевик» писала, что «рядом с комбинатом растет фабричный поселок, построено и заселено 37 домов, готово к заселению еще 49» [25]. Постройкой занимался отдел капитального строительства, который снимал рабочих с производства и использовал для строительства и ремонта. Исполнение работ непрофессионалами объясняло низкое качество работ. Кроме того, снятый после половины рабочего дня персонал не мог делать свою работу качественно из-за усталости.

Вновь построенные дома предоставлялись рабочим, имеющим средства купить их в собственность. Стоимость дома составляла две-три месячные зарплаты рядового рабочего или 400 – 600 руб. Ссуда предоставлялась на срок до трех лет. Для привлечения особо ценных работников или рабочих на участок директор мог предоставить жилье как стимул к труду. Так, например, была решена проблема создания пожарной охраны: стоило выпустить распоряжение о предоставлении жилья, как она была набрана [35].

Распределение вновь построенного жилья в маневренном фонде и в собственность происходило на технических совещаниях с участием руководства комбината и инженеров отделов. Приоритет отдавался специалистам и семьям с тремя и более детьми. За хорошую работу от рабочего могли отселить соседа. Так, в ответ на просьбу плотника Бабича, выполнявшего норму на 110%, за ним закрепили жилплощадь его соседа кочегара Михайлова. За хулиганство с очереди на жилье снимали Меркулов, рабочий лесной биржи, лишившийся жилья за хулиганские выходки, выразившиеся «в порче жилых зданий и дебоше», учиненном им в общественных местах [36]. Жилье могло не предоставляться в случае самовольного распоряжения им. К примеру, как указывалось в протоколах хозяйственных активов предприятия, «товарищ Садовской дом продал и, следовательно, в квартире не нуждается» или «отказать Бабию на получение жилищной площади на основании того, что он предоставил недостоверные сведения, что у него есть семья» [37]. Также выселить могли за заезд в жилое помещение вне очереди. К примеру, рабочего Пономарева, «самовольно вселившегося в дом 48, выселить немедленно в административном порядке. За игнорирование предупреждений комиссии с очереди на жилье снять на неопределенное время» [36]. Кроме этого в списках очередников было большое количество рабочих, которым отказывали в получении индивидуального жилья по причине отсутствия в семье третьего ребенка.

Постепенно после восстановления предприятий и жилищного фонда местные администрации занимались обустройством инфраструктуры. В Йоханнес, например, это произошло довольно рано, с 1946 г., сразу после завершения восстановления основного производства. Комбинатом были выделены средства и рабочие для постройки бани и

прачечной пропускной способностью до 200 кг белья в смену [38]. Строительство затянулось из-за отсутствия цемента, с получением которого были проблемы по всей стране. Также производилась постройка и ремонт дорог, создание клуба, школы и библиотеки. Старое школьное здание, где учились дети в 1940–1941 гг., сгорело во время войны. Как вспоминала сотрудник комбината Мария Еврейнова, «во время войны финны выстроили новое здание школы, но оно использовалось, как военный госпиталь, под школу было приспособлено бывшее жилое одноэтажное здание. Вместо учебных досок на комбинате нам покрасили черной краской два фанерных листа, разыскали несколько столов и парт. Много забот доставляло отсутствие дров, бумаги, учебников. С учениками 3-4-х классов собирали дровяной хлам. Писали часто на оберточной бумаге» [3]. Таким образом, в первые годы для организации учебного процесса обходились приспособлением подручного материала.

Объекты инфраструктуры сдавались с большим количеством недоделок, что можно увидеть на примере библиотеки: «К шкафам и дверям не могли сделать замки, книги пропадают» [27]. Все это было следствием дефицита ресурсов. В дальнейшем согласно плану капитального строительства в 1951 г. для молодых специалистов было построено специальное общежитие, в котором размещалось до 20 инженеров и техников, а также было отремонтировано здание для школы [3].

Многое из этого удалось осуществить в результате жалоб в газету рабочих комбината. Неоднократные их напоминания о проблемах заставляли местные власти изыскивать средства. Так, в течение 1947–1951 гг. в Йоханнес была решена проблема со свалкой шлака, построен новый клуб, улучшена работа общественных учреждений. Такая практика показывает, что, как и на производстве, проблемы могли быть решены, если их взяли на контроль свыше. Из-за плохо устроенного общежития рабочие соглашались заезжать в дома с недоделками при условии, что их доведут до нормы в процессе эксплуатации. О требованиях по ремонту помещений они писали директору комбината. К примеру, в 1949 г. «из 250 домов 43 жалуются на состояние, в 63 неисправны печки. На складе они есть, но кирпича нет..., [в зданиях] плохое освещение, слабое напряжение в сети» [37]. Несмотря на неудобства, жильцы, получившие такие дома, особенно те, кто переезжал из общежития, так были рады им, что заезжали в него еще до окончания строительства.

В связи с увеличением средств на обустройство общежития в 1950 г. завод сократил финансирование индивидуальных домов. Из-за нехватки ресурсов предприятие постоянно стремилось расширить жилищное строительство за счет уменьшения расходов на материалы. Так, вместо бруса стали строиться засыпные дома с опилками или шлаком. Дорогой картон энсонит заменялся на более дешевые опилки. Меры экономии позволяли построить два – три дома сверх плана, но при этом ухудшалось качество всех домов. В дальнейшем эти постройки вызывали нарекания со стороны жильцов. В целом, в жилищном строительстве проявилось неэффективное использование ресурсов, так же как и на производстве. Например, около завода была свалка шлака, но чтобы привезти пару машин и засыпать лужи на одной из улиц города потребовалось вынесение проблемы на техническое совещание. Ситуация была вызвана тем, что для вывоза любых отходов с завода необходимо было решение директора, без него рабочие ничего не могли сделать самостоятельно. Подобная ситуация была на большинстве предприятий в СССР. Рабочие жаловались на плохие дороги и не понимали, почему руководство предприятий уделяет так мало внимания решению их бытовых проблем.

В результате принятия всесоюзной программы строительства индивидуального жилья для рабочих в 1947 г. руководство завода Йоханнес по приказу министерства увеличило финансирование жилищного строительства в три раза [37]. Это стало возможно в результате предоставления государством ссуды и разрешения на увеличение расходов на строительство из средств самого предприятия. Финансирование строительства осуществлялось по следующей схеме. Рабочие писали заявку начальству, которое

собирало эти заявки и отправляло документы в министерство с требованием предоставить финансирование. Затем происходило финансирование поступивших заявок. О результатах работы программы писали в газете «Выборгский большевик». Например, о предприятии в Йоханнес писали, что комбинат «показал пример в подаче заявок и их исполнении. Другим руководителям завода надо следовать этой практике» [46]. Основной задачей при этом было обеспечение рабочих и служащих жильем; также программа включала статью на устранение недоделок в уже построенных домах. Всего к 1951 г. в эксплуатации было 250 индивидуальных домов. При этом в результате предоставления рабочим разных жилищных условий работа на производстве становилась для них вторичной, на первое место выходило обустройство собственной жизни. В результате этого важное место заняли жалобы и обращения в газету. Это был один из способов достичь желаемого результата. Из-за постоянных поисков удешевления жилья и невнимания к вопросам его долговечности, имеющиеся успехи можно считать временными, так как через некоторое время качество построенного жилья потребует строительства нового. Все эти проблемы проявились в ходе реконструкции в 1980-х годах, когда первым ее пунктом стало строительство нового детского сада и многоквартирных жилых домов приглашенными финскими строителями.

Выводы

История жилищного вопроса на Карельском перешейке показывает, как по мере восстановления промышленности после войны происходило решение жилищной проблемы на производстве. Благодаря наличию «трофейных ресурсов» восстановление производства произошло быстрее, чем в других регионах страны. В сочетании с методами восстановления (привлечение военнопленных, репарации и др.), используемыми в послевоенной экономике, наличие ресурсов позволяло восстанавливать предприятия и налаживать жизнь в поселениях в течение короткого срока. Так, целлюлозно-бумажный завод Йоханнес был восстановлен и дал продукцию в течение года. Предоставление там рабочим жилья раньше, чем на других предприятиях Карельского перешейка, позволило привлечь кадры на производство. Также жилье выступало стимулом для обучения рабочих, это позволяло решать проблемы с нехваткой специалистов.

Несмотря на то, что по сравнению, например, с Ленинградом условия проживания рабочих на перешейке были лучше, наличие стандарта качества в виде финских домов показало рабочим, на какие условия они могут рассчитывать при развитии производстве. Неустроенность общежития сделала индивидуальное жилье предметом мечтания рабочих. Для получения жилья заводили третьего ребенка, прибегали к разным уловкам, например, подделывали данные о составе семьи и т.п. Дома и квартиры стали предметом для различных манипуляций не только со стороны рабочих, но и дирекции предприятия для стимулирования сверхурочных работ. Если рабочие приобретали жилье в собственность, то, как правило, стимул хорошо работать исчезал. При этом рабочие не стремились трудиться на пользу всего производства, но выполняли только свои непосредственные рабочие обязанности, не следили за порядком на рабочем месте и не думали об улучшении эффективности своей работы. В результате предприятие несло большие убытки. Без материального обеспечения жилищный вопрос был стимулом, который позволял временно решить проблему высоких норм выработки рабочими на производстве.

Жилищный вопрос был одной из проблем, регулярно обсуждаемых на технических совещаниях, поскольку не ведомство, а директор предприятия отвечал за размещение рабочих. В результате от города, где всем ведал специальный отдел, на производстве был руководитель, с которого рабочие могли спросить. Он нес персональную ответственность за решение вопроса, а утвержденные им на совещаниях решения определяли пути развития ситуации. От него зависело, каким образом будет происходить размещение конкретной группы рабочих.

Это становилось причиной успеха или источником проблем в решении жилищного вопроса. Так, нежелание директора назначить человека, ответственного за решение проблем с жильем, перекалывание им обязанностей по этому вопросу на мастеров цехов, привело к конфликтам на производстве между рабочими и руководством. При этом части переселенцев достались «трофейные» дома. Они показали возможности качественных построек: финское качество жизни стало мечтой для рядовых рабочих. Рабочие пытались добиться лучших жилищных условий через жалобы и письма. Строительство нового индивидуального жилья происходило под давлением вновь приехавших рабочих, которые, увидев, как живут другие переселенцы, были согласны хорошо работать только при наличии постоянного высокого дохода и индивидуального жилья. Жалобы в газету и неоднократное поднятие проблемы на технических совещаниях заставляло руководство предприятия искать пути решения проблемы.

В результате смешения советских практик решения жилищного вопроса и использования «трофейных ресурсов» был выбран курс на предоставление индивидуального жилья с удобствами для всех постоянных рабочих и благоустроенного общежития. Администрация под нажимом рабочих, не имея возможности другим образом повлиять на решение производственных задач, вынуждена была искать решение проблемы строительства индивидуального жилья со всеми удобствами. В то же время не только плохое качество жизни, но и низкая оплата труда и дефицит, ухудшавший условия работы на производстве, низкий уровень механизации производственных процессов и другие факторы были причинами низкой мотивации рабочих. Жилье выступало как важный фактор, привлекающий специалистов, но, в совокупности с тяжелыми бытовыми условиями, плохим обслуживанием, низкой оплатой труда, не способный удержать рабочих на производстве.

Литература

1. *Балашов Е.А.* Карельский перешеек: Земля неизведанная. Ч. 5-6. Западный сектор: Койвисто-Йоханнес. – СПб.: Карелия, 1998. – С. 45.
2. *Ваксер А.З.* Возрождение ленинградской индустрии, 1945 - начало 1950-х гг. СПб.: Остров, 2015.
3. Воспоминания Е.М. Еврейновой (http://www.sovschool-1.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=279:history&catid=1:articles&Itemid=130)
4. Выборгский сувенир // Ленинградская правда. 1946. – С. 1.
5. *Герашенко Л.В.* Плановое переселение и обустройство советских граждан в приграничных районах Карельского перешейка в 1944-1953 гг. – СПб.: СПбГИЭУ, 2011.
6. Годовой отчет по основной деятельности за 1940 г. // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 2. Л. 102.
7. Докладная записка секретаря Куркиевского райкома партии к Постановлению Бюро ЦК КП(б) КФ ССР о заселенности Куркиевского района, октябрь 1951 года // Особые папки: рассекреченные документы партийных органов Карелии, 1930-1956 гг. / Сост. В.Г. Макуров, А.Т. Филатова. Петрозаводск: Изд-во А.А. Григоровича, 2001. С. 122.
8. Доклад директора по основной деятельности Ляскельского ЦБК поселка Харлу за 1959 год // Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 3091. Оп. 1. Д. 3/50. Л. 81.
9. Доклад директора о ходе восстановительных работ // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 12. Л. 2.
10. Доклад директора о ходе восстановительных работ // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 12. Л. 4.

11. Доклад директора о ходе восстановительных работ // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 7. Л. 4.
12. *Заостровцева Е.* Новые дома в Каменногорске // Выборгский большевик. – 1971. – С. 2.
13. Интервью с Олегом Владимировичем Саморуковым (10.05.2015).
14. Интервью с Николаем Козиным (14.06.2009).
15. *Коткин С.* Жилище и субъективный характер его распределения в сталинскую эпоху // Жилище в России: Век XX: Архитектура и социальная история. – М.: Три квадрата, 2002. – С. 105–106.
16. *Кочеткова Е.А.* Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности в 1953-1964 годах: Случай Энсо/Светогорска // *Laboratorium.* Журнал социальных исследований. – 2013. – № 3. – С. 22.
17. *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. – СПб.: Журнал «Нева», 1999.
18. *Меерович М.* Наказание жилищем. – М., 2008.
19. *Мельникова Е.* Своя чужая история: финская Карелия глазами советских переселенцев // *Неприкосновенный запас.* – 2009. – № 2. (<http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/me4.html>)
20. *Орлов И.Б.* Коммунальная страна: Становление советского жилищно-коммунального хозяйства (1917-1941). – М.: Издательский дом Высшей школы экономики. – 2015. – С. 48–49.
21. Объяснительная записка к годовому отчету ЦБК Энсо за 1946 год // ЛОГАВ. Ф. Р-180. Оп. 4. Д. 57. Л. 2.
22. Объект 937: Йоханнес ЦБК. Материалы по обследованию // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
23. Объект 937: Йоханнес ЦБК. Материалы по обследованию // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
24. Объект 937: Йоханнес ЦБК. Материалы по обследованию // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 1. Л.101.
25. Отчет о работе ЦБК Йоханнес // Выборгский большевик. 1946. 13 июля. С. 2.
26. Отчет о выполнении коллективного договора // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 27. Л. 7, 12.
27. Отчет о развитии и внедрении новой техники // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 202. Л. 41.
28. Отчет о развитии и внедрении новой техники // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 202. Л. 42.
29. По материалам книги почета работников завода за 1945-1960 годы // Библиотека поселка Советский. Л.15.
30. Полвека в деревянном доме // Выборг. 2017. 4 мая. С. 2
31. Приказы по личному составу, 5 сентября 1945 - 14 ноября 1945 года // Библиотека поселка Советский. Л. 300.
32. Приказы по личному составу, 5 сентября 1945 - 14 ноября 1945 года // Библиотека поселка Советский. Л. 311.
33. Приказы по личному составу, 5 сентября 1945 - 14 ноября 1945 года // Библиотека поселка Советский. Л. 330.
34. Протоколы техсовещаний при замначальнике Главцеллюлозы // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 57. Л. 7.
35. Протоколы техсовещаний при замначальнике Главцеллюлозы // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 57. Л. 45.
36. Протоколы технических и партийно-хозяйственных активов // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 156. Л. 2.

37. Протоколы технических и партийно-хозяйственных активов // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 156. Л. 78.
38. Протоколы совещаний при главном инженере /ЛОГАВ Ф.69. Оп. 2 Д.46. Л.19
39. Протоколы технических совещаний за 1947 год // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 24. Л. 4
40. Протоколы технических совещаний за 1947 год // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 24. Л. 7
41. Протоколы технических совещаний за 1947 год // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 24. Л. 10
42. Протоколы технических совещаний за 1947 год // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. .24. Л. 36.
43. Протоколы технических совещаний за 1947 год // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 24. Л. 40.
44. Протоколы технических совещаний за 1947 год // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 24. Л. 44
45. Протоколы технических совещаний за 1947 год // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 24. Л. 55.
46. Ссуды на индивидуальное жилье // Выборгский большевик. 1947. 23 мая. С. 2.
47. Титульные списки по капитальному строительству // ЛОГАВ. Ф. Р-69. Оп. 2. Д. 18. Л. 104.
48. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 7.
49. ЦБК требуются // Выборгский большевик. 1949. 29 мая. С. 4.
50. Шесть ершей Выборгского рыбзавода // Ленинградская правда. 1946. 5 апреля. С. 2.

¹ Поселок Йоханнес был переименован в Советский в 1948 г. Для удобства, однако, мы используем финское название населенного пункта.